

Москва в лицах: о судьбе Анны Ахматовой

Поэт и секретарь

Лев КОЛОДНЫЙ

КА

АК ВСЯКИЙ человек, попавший в западню, Анна Ахматова мучительно размышляла о причине не только общенародной трагедии, но и личной, о роли Сталина в своей многострадальной судьбе.

Когда она попала в сферу его интересов? Внимание литературе Сталин начал уделять, чтобы противостоять и в этой области Троцкому, который много времени отдавал проблемам культуры, публикуя статьи о литературе и искусстве. Так, в «Правде» в 1923 году «язык акмеизма», стили, к которому примыкала Анна Ахматова, Троцкий отлучал от современной литературы, «новых поэтов», причем делал это не только от своего имени, но и от имени рабочего класса, будучи тогда еще на вершине власти. Правда, Троцкий не посягал на творчество, даже поощрял авторов: «Благоволите писать о чем вздумается!».

Цензурные гонения у Ахматовой, однако, начались в том же году. В Берлине напечатана на русском языке ее поэтический сборник «Anno Domini», что было вполне обычным тогда явлением. Необычным оказалось то, что весь тираж остался за рубежом, поскольку его не пропустили через границу СССР. То было переиздание сборника, вышедшего в Петрограде. Но в берлинский сборник попало несколько других стихотворений, в которых цензура усмотрела крамолу. Последовала кара. На Родину путь книге оказался закрыт.

Берлинский сборник явился не единственной причиной несчастий Ахматовой. Вот что пишет по этому поводу она сама: «То, что там были стихи, не напечатанные в СССР, стало одной третью моей вины, вызвавшей первое постановление обо мне (1925 г.); вторая треть — статья К. Чуковского «Две России (Ахматова и Маяковский)»; третья треть — то, что я прочла на вечере «Русского современника» (апрель 1924 г.) в зале Консерватории (Москва) «Новогоднюю балладу». Она была напечатана в № 1 «Русского современника» (без заглавия)».

Статья Корнея Чуковского возникла на основе лекции, которую автор читал в разных городах, а потом оформил в виде статьи, опубликованной в 1921 году, написанной, как утверждают историки литературы, с любовью к обоим поэтам. Но автор позволил на правах влюбленного такой оборот:

«Читая «Белую стаю» Ахматовой — вторую книгу ее стихов (это ошибка: третью. — Л. К.), — я думал: уж не постриглась ли Ахматова в монахини? У первой книги было такое название монашеское — «Четки», а вторая вся до последней страницы пропитана монастырской эстетикой. В облике Ахматовой означалась какая-то жесткая страсть, и, по ее словам, губы у нее стали «надменные», глаза «пророческие», руки «восковые», «сухие». Я как вижу черный клубок над ее пророческим ликом...».

Но разве после всех смертей и страданий народа в дни гражданской войны не имел поэт права на «жесткую страсть»?

Следующая «вина», о которой Ахматова вспоминала устно и письменно неоднократно, — литературный вечер не-долго выходящего в Москве журнала «Русский современник».

Вечер устраивался, чтобы привлечь внимание общественности к новому журналу. Через два дня после вечера в «Правде» появился отчет, где о выступлении Ахматовой говорилось в оскорбительном тоне: она якобы «пропела что-то о мертвецах». На самом деле все в зале консерватории знали, что пела Ахматова о своем бывшем муже, Николае Гумилеве.

Когда же вышел первый номер журнала, по страницам печати прокатился вал яростной критики, где речь шла о «нутрянной антиреволюционности Анны Ахматовой», она называлась «литературной внутренней эмигранткой», появились призывы: «в наших органах Ходасевичей, Ахматовых и т. д. быть не должно». Ей «сочувствовали» как женщине, которая не знала, когда ей умереть. Удивлялись, что она не покойник.

Вот тогда, как утверждает Анна Ахматова, появилось некое «постановление обо мне (1925 г.)». Она считала, что то было постановление ЦК.

«Вот вы какая важная особа, — сказала Ахматовой при встрече на Невском проспекте Мариэтта Шагинян, — о вас было постановление ЦК: не арестовывать, но и не печатать».

Похуже, что нечто такое было. Возможно, сейчас, когда архивы начинают открываться, мы узнаем, какое «постановление» решило на много лет судьбу великого поэта. В известном за 1925 год постановлении ЦК, что изучается филологами, — о политике партии в области литературы — ни имени Ахматовой, ни имен других не называется. Не исключено, что тогда вышел некий негласный циркуляр, где все было сказано открытым текстом, назывались чьи-то имена. Между прочим, именно с 1925 года перестали печатать Михаила Булгакова...

Состояние, переживаемое тогда, Анна Андреевна называла «гражданской смертью». По ее словам, Сталин без всяких на то оснований принял на свой счет стихотворение «Клевета», где есть такие строчки:

И станет внятен всем ее постыдный бред,
Чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед.

Если прежде ее стихи появлялись постоянно, книги расходились быстро, большими по тем временам тиражами, то затем пути ей все были заказаны, кто-то перекрывал кислород. По всей видимости, в органы цензуры поступило указание не только не публиковать, но и не упоминать ее в любом контексте. С экспозиции художественных выставок списали портреты Ахматовой. Не давали выступать со сцены клубов. Фронт забвения удалось однажды, в 1929 году, прорвать Борису Пастернаку, напечатавшему стихи с посвящением Анне Ахматовой.

Какое было все это пережить поэту, названному «внутренним эмигрантом», который в самые трудные годы для страны и народа-никогда не помышлял эмигриро-

вать, покинуть город, вне которого не мыслил жизни.

Существовала какая-то поистине космическая, магнитная сила, которая притягивала хрупкую Ахматову к той земле, где она стала поэтом. Что оставалось ей делать? Она писала «в стол», начала заниматься литературоведением, переводами...

Существовал у нее еще один дар природы, отмеченный многими современниками, в том числе Гумилевым:

Из города Киева,
Из логова змиева
Я взял не жену, а колдунью...

Родственникам, друзьям и знакомым казалось порой, что устами Ахматовой глаголет не только истина, но и провидение. Эпизоды, которые поклонник парапсихологии отнес бы к области телепатии, рассыпаны по многим воспоминаниям. Она предвидела судьбу людей. Когда раз заговорили об одной девочке, суля ей большое будущее, Анна Андреевна предрекла: «Да, если в шестнадцать лет она не умрет в Ницце от чахотки». Это сбылось. Нередко беспричинно заводила разговор о всем известных людях, и вскоре приходила весть об их кончине. Предсказала в начале шестидесятых Солженицыну: «Через короткое время станете всемирно известным. Это тяжело...».

Очевидно, этот редкий дар придавал веру, что в конечном счете, никуда не уезжая, она доживет на Родине до своего «второго пришествия», вернется в литературу, к народу.

Такое возвращение (на семь лет) из небытия состоялось после вопроса Сталина в Кремле на встрече с писателями-орденоносцами.

Как по команде, о ней вспомнили издатели. Начали просить стихи. Предложили выпустить книгу. Причем команда, следовавшая на такую публикацию, была столь грозной, что в нарушение канонов авторского права один и тот же сборник начали готовить сразу два издательства, словно соревновавшиеся между собой, кто быстрее издает Ахматову.

Вышел сборник в 1940 году под названием «Из шести книг», поскольку в него вошли в усеченном виде пять старых сборников и новые стихи, помеченные 1924—1940 гг.

Но не знал державный повелитель книги, что у автора к тому времени уже написан «Реквием», поэма, составленная из небольших, как обычно у Ахматовой, стихотворений. Но каких!

В год, когда вышла долгожданная книга, началась работа над «Поэмой без героя», сочинение которой растянулось на десятилетия.

Война с первых дней приблизилась к Ленинграду, оказавшемуся в блокаде. Ахматову, как миллионы его жителей, ждала мучительная смерть. Однако ночью к ней домой явился летчик, которому было приказано вывезти ее из осажденного города. Приказ был выполнен точно: она перелетела через линию фронта.

Кто отдал приказ? Ахматова считает, что Сталин.

Она снова оказалась в Москве, в дни, когда к ней приближались полчища врага...

Москва для Ахматовой была родным городом. В 3-м Зачатьевском переулке осенью 1918 года она жила постоянно, выйдя замуж за Владимира Шилейко, ученого-востоковеда.

Одно из стихотворений так и называется: «Третий Зачатьевский».

Переулочек, переулок...
Горло пельтикой затынул.
Тянет свежесть с Москва-реки,
В окнах теплится огоньки.
Как по левой руке — пустырь,
А по правой руке — монастырь...

Позднее, приезжая в Москву, останавливалась у друзей. Когда Осип Мандельштам с женой на короткое время стал обладателем квартиры на Арбате, в Нащокинском переулке, ночевала у них. На ее глазах его арестовали. Он предвидел будущее друга:

Когда-нибудь в столице шалой,
На диком празднике у берегов Невы,
Под звуки омерзительного бала
Сорвет платок с прекрасной головы...

Однажды Мандельштам познакомил Анну Андреевну с жившим в этом же доме писателем Виктором Ардовым и его женой, актрисой Ниной Ольшевской. Так состоялось знакомство Анны Андреевны с семьей, чей дом стал и ее домом до конца жизни... (Когда Ардовы переехали в Замоскворечье, на Большую Ордынку, в комнатке их квартиры она жила неделями, месяцами).

Из военной Москвы путь Ахматовой пролегал сначала в Чистополье, оттуда в глубокий тыл — в Ташкент, туда звонил однажды, интересуясь ее судьбой, руководитель Ленинграда А. А. Жданов, спрашивал: — Как там наша Ахматова?

Наступил еще один просвет в жизни Анны Андреевны. Сын, отбыв срок заключения, добился разрешения уйти добровольцем на фронт. Воевал удачно, дошел с боями до Берлина...

В Москве после Победы готовилось издание объемистого сборника стихотворений. Сигнальный экземпляр автор успела поддержать в руках, даже подарила известному коллекционеру поэзии Анатолию Тарасенкову (чье замечательное собрание попало в библиотеку имени В. И. Ленина). И оказался «сигнал» в надежном месте — спецхране, благодаря чему сбереглась страдальца книга, почти весь тираж которой, 10 тысяч экземпляров, уничтожили.

В августе 1946 года, выйдя на улицу, Ахматова увидела газету с текстом постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», которому сопутствовал доклад А. А. Жданова...

Об Ахматовой говорить такими словами, что неудобно их даже цитировать, настолько они лживы и грубы:

«Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой». И так далее...

Откуда пошла монахиня, мы уже знаем. Откуда появилась блудница? След этого ругательства восходит к давней книжке литературоведа Б. Эйхенбаума о творчестве Ахматовой, вышедшей в 1923 году, где речь шла об образе лирической героини,

которая виделась ему «не то блудницей с бурными страстями, не то нищей монахиней».

Но героиня — не автор!

Готовившие материалы для доклада и постановления специалисты, естественно, имели под рукой все работы об Анне Ахматовой. Анализировали ее стихи еще в предреволюционные годы, то же делали серьезно позднее, в начале двадцатых годов, пока на имя поэта не наложили табу.

То, что произошло в 1946 году, не шло ни в какое сравнение с тем, что стряслось в 1925-м. Двери издательства, приоткрывшиеся было, наглухо закрылись. Ее исключили из Союза писателей. Она лишилась продовольственных карточек. Миллионы школьников и студентов на уроках, лекциях, экзаменах склоняли гордое имя в сочетании с бранью.

Снова Ахматова начала размышлять, почему именно она попала в «постановление»? Вспомнила, что незадолго до него состоялось ее выступление в Москве, в Колонном зале Дома союзов. Выступление триумфальное. Овация длилась пятнадцать минут. Уже тогда в кулуарах она сказала Борису Пастернаку, что все это не к добру. Пророчица и на этот раз оказалась права...

Запланированное на следующий день выступление внезапно отменили. Ахматова уехала домой с тяжелым предчувствием.

Ей казалось, была еще одна причина несчастья: на рубеже 1945 — 1946 годов покинувший Россию в юности сотрудник британского министерства иностранных дел И. Берлин по своей инициативе явился в Фонтанный дом, где жила Анна Андреевна, случайно узнав, что Ахматова — в родном городе. Ею он восторгался давным-давно. (Той состоявшейся встрече русская лирика обязана несколькими циклам ахматовских стихотворений).

В тот же вечер в Фонтанный дом забрел в поисках друга юности — Исая Берлина, с которым учился в университете, гостивший тогда в Ленинграде Рэндольф — сын Уинстона Черчилля, лидера Англии, чья известная речь положила начало «холодной войне» между бывшими союзниками...

Вот какое поразительное сочетание столь разных и далеких людей и обстоятельств!

Много лет спустя Анна Андреевна, оказавшись в Англии, где ей вручали мантию профессора Оксфорда, встретила своего давнего гостя, сэра И. Берлина, и сказала ему, что Сталин, узнав об их «несанкционированной встрече», пришел в ярость, как ей сообщил очевидец, имевший доступ в Кремль.

— Значит, наша монахиня теперь принимает визиты иностранных шпионов, — заключил вождь.

Спустя три года, в 1949-м, случилось еще более страшное — в четвертый раз арестовали сына, Льва Гумилева, арестовали бывшего мужа — Николая Пунина...

Ахматова училась на юридическом факультете, знала, как и кому писать ходатайство. Но то был путь, пригодный для правового государства, а в Кремле жил человек, лишивший народ всех прав. Она понимала, что только вождь мог бы, как это уже случилось однажды, вернуть сына.

До 1949 года Анна Ахматова не написала ни одной строчки во славу Сталина, как это делали тогда почти все известные и никому не известные авторы... Чтобы спасти сына, она принесла в жертву свою честь. Страдающая, отверженная написала цикл стихотворений «Слава миру», посвященный главному «борцу за мир», каковым тогда считали вождя. Ахматова заставляла не включать эти стихи в свои сборники.

Тогда, в 1950 году, их опубликовал в три приема журнал «Огонек», редактируемый Алексеем Сурковым. Стихи к нему попали из рук Александра Фадеева, тому в свою очередь передала Нина Ольшевская, получившая их от подруги... Редактор «Огонька» со своим сопроводительным письмом направил стихи в ЦК партии. На другой день у него зазвонил телефон правительственной связи. После чего произошел короткий диалог:

— Писали по поводу Ахматовой?
— Писал.
— Почему решили печатать?
— Нужно вернуть в строй большого поэта.

— Печатайте.

Жертву Ахматовой Сталин не принял. Сына не вернул.

Истинное отношение к тирану она выражала в других строчках, которые только теперь мы узнаем:

Я приснюсь тебе черной овцою
На нетвердых, сухих ногах,
Подойду, заблею, завою:
«Сладко ль ужинал, падишах?
Ты вселенную держишь, как бусу,
Светлой волей аллаха храним...
И пришлось ль сынок мой по вкусу
И тебе и деткам твоим?».

Когда «падишах» скончался, хлопоты начались снова. Писались и передавались ходатайства через знакомых на имя Маленкова, Ворошилова; Ахматова использовала все свои связи, действовала через депутатов Верховного Совета, писателей — Илью Эренбурга, Михаила Шолохова, Алексея Суркова, Александра Фадеева...

Только после XXII съезда партии, выступления Н. С. Хрущева Льва Гумилева освободили, и он встретился с матерью на Большой Ордынке...

Поэтому называла себя Ахматова «хрущевкой», была благодарна Никите Сергеевичу за освобождение сына, миллионов узников. Оттепель быстро сменилась заморозками. На ее глазах травили друга — Бориса Пастернака, по поводу которого тогда сказала: «Поэт — всегда прав».

«Реквием», как и роман «Доктор Живаго», впервые появился за границей, при ее жизни. Но публикация прошла спокойно, словно ее и не было.

Ахматова страдала, когда арестовали и судили Иосифа Бродского. Его благословила, сходя в гроб.

Она полагала, что отойдет в грозу. Смерть настигла ее в конце зимы — начале весны, 5 марта 1966 года в подмосковном санатории. Она прожила почти 77 лет.

Гроб установили в морге института Склифосовского, бывшего Странноприимного дома, построенного на средства графа Шереметева, в чьем доме на Фонтанке она так долго и трудно жила.

Прощались с ней в Москве только друзья, знакомые. Народ не знал, что гроб с телом поэта устанавлен на Садовом кольце. Власти и братья-писатели скрыли это и поспешили перевезти покойницу в Ленинград, где состоялся гражданская панихида, отпевание в храме.

В «Реквиеме», обращаясь к потомкам, она просила установить памятник ей только там, где семнадцать месяцев крчала и звала домой сына, «кидалась в ноги палачу» в очереди таких же, как она, несчастных, тнявшихся часами к приемной НКВД, в «Большом доме» Ленинграда.